

СЛОВО

на заупокойной литургіи въ 40-й день по смерти профессора **Василія Теодоровича Пѣвницкаго.**

Всякъ книжникъ, научився царствію небесному, подобенъ есть человѣку доловиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая. (Мато. 13, 52).

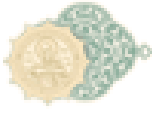
Вотъ образъ истиннаго послѣдователя Христова Евангелія, начертанный Самимъ Божественнымъ Учителемъ Христомъ. Въ соотвѣтствіе, но и въ противоположность книжникамъ ветхозавѣтнымъ, опочивавшимъ на одной буквѣ закона Божія, книжникъ новозавѣтный, вѣрный и истинный ученикъ и послѣдователь Христовъ тоже изучаетъ царствіе небесное, но изучаетъ ученіе о немъ не по буквѣ только, но и по духу, по внутреннему и глубочайшему смыслу, и затѣмъ изученное не хранитъ лишь въ умѣ и памяти, не дѣлаетъ это достояніемъ лишь школьнаго изученія и преподаванія, но стремится познannую истину перевести въ самую жизнь, воплотить ее въ цѣлой дѣятельности своей, отъ начала до конца своей сознательной жизни, дѣлая всю вообще жизнь единымъ хожденіемъ въ Христовой истинѣ. Жизнь этого истиннаго „книжника“ имѣетъ свои особенныя законы и начала, которые въ своей истинной сущности открыты лишь Богу всевѣдущему, и открываются въ извѣстной степени самому духу христіанина-подвижника. Но одна сторона его подвига доступна и наблюденію другихъ: это—непрерывность теченія жизни по духу Христову, это—вну-

треннее родство „старого“ и „нового“ въ духовномъ обликѣ книжника и мудреца въ евангельскомъ смыслѣ.

Въ такомъ родѣ рязется намъ, братіе, и образъ нынѣ поминаемаго новопреставленнаго раба Божія Василія, общаго нашего учителя и патриарха нашей учено-учебной семьи, а вмѣстѣ съ тѣмъ великаго служителя православной богословской науки и незауряднаго работника на нивѣ церковной. Еще такъ недавно онъ былъ среди живыхъ, принималъ живое непосредственное участіе въ жизни и дѣятельности дорогой ему Академіи, и ничто, повидимому, не предвѣщало столь скорого рокового конца. И вотъ неожиданно для многихъ смерть похитила его, и нынѣ, въ 40-й день по кончинѣ его, мы собрались въ сей святыи храмъ, столь близкій духу почившаго при жизни,—чтобы со всею церковью вознести молитву Богу духовъ и всякой плоти, да упокоитъ духъ его съ праведными.

Теперь уже,—къ великой скорби близкихъ почившаго и многочисленныхъ почитателей его,—на землѣ нѣтъ другого вещественнаго слѣда и знака его существованія, кромѣ скромнаго могильнаго холма на кладбищѣ: горькое чувство, особенно при сознаніи утраты столь богатой духовнымъ содержаніемъ жизни. Но сквозь непроглядную могильную тьму тѣмъ ярче прорѣзывается лучъ свѣта, и этотъ свѣтъ—вѣра и надежда христіанскія. И приникая теперь съ этимъ одиосвеннымъ свѣтильникомъ къ могилѣ приснопамятнаго раба Божія Василія, мы зримъ его духовный обликъ, всегда столь чистый, свѣтлый, еще болѣе очищеннымъ смертію, еще болѣе освѣщеннымъ и одухотвореннымъ свѣтомъ вѣры и теплою надежды.

Намъ, членамъ академическаго братства и всѣмъ вообще многочислѣннѣйшимъ ученикамъ почившаго, разсѣяннымъ по лицу обширной земли нашей, почившій вѣдомъ болѣе и прежде всего, какъ великій „книжникъ“, почти всю жизнь отдавшій изученію и разработкѣ науки проповѣдничества

церковнаго и науки пастырства вообще: это былъ весьма рѣдкій примѣръ свыше-полувѣковаго служенія наукѣ въро-проповѣдничества. Этой наукѣ онъ отдалъ и всѣ свои богатые природныя дарованія, и трудомъ пріобрѣтенныя богатые познанія, и обширный жизненный опытъ. Но душу и родникъ его неистощимой трудоспособности и ученой производительности въ своей наукѣ составляла его правая, чистая, твердая вѣра, въ точности согласная и съ ученіемъ слова Божія и съ вѣрою и ученіемъ Святой Церкви. Отсюда—необыкновенная сила убѣжденія его учительнаго, проповѣднаго и печатнаго слова. Какою силою убѣдительности звучало его слово, обращенное къ ученикамъ его! И это не для тѣснаго лишь кружка его академическихъ слушателей, но и для безчисленныхъ пастырей церкви, цѣлыя поколѣнія которыхъ воспитались на сочиненіяхъ почившаго! А сколько разъ въ семъ святомъ Братскомъ храмѣ съ сего священнаго мѣста раздавалось его вдохновенное, краснорѣчивое слово! Этого, безъ сомнѣнія, не могло бы быть, если бы самъ проповѣдникъ и учитель не былъ твердо и жизненно убѣжденъ въ правотѣ и спасительности возвѣщаемыхъ имъ истинъ вѣры и нравственности. Напротивъ, все учительное наслѣдіе, оставленное почившимъ, непрерываемо говоритъ о томъ, что въ духовной жизни его не было чего-либо показнаго или какого-либо застоя: онъ былъ воистину книжникъ, научившійся царствію небесному и износившій изъ сокровищницы своей вѣры и своихъ знаній новая и ветхая.

Но не въ одной лишь жизни ума и размышленія вращался духъ почившаго; нѣтъ, вмѣстѣ съ глубокомысліемъ въ почившемъ соединялась и рѣдкая глубина чувства. И въ этомъ именно отчасти потерпала свою жизненность самая учительность почившаго. Высокаго напряженія и силы достигали въ немъ природныя, облагораживаемыя и освящаемыя вѣрою, человѣческія чувства привязанности и любви.

Какъ, напримѣръ, пламенно любилъ онъ свою далекую родину! Ровно шестьдесятъ лѣтъ, три четверти всей жизни, прожилъ онъ въ нашемъ градѣ Кіевѣ, но со всѣмъ тѣмъ чувство нѣжной привязанности къ родинѣ не ослабло въ душѣ его, и онъ охотно признавался, что его влечетъ непреодолимая сила къ родинѣ, что при приближеніи его къ городу Владиміру сердце его бьется необычайно сильно,— и онъ серьезно помышлялъ даже опочить могильнымъ сномъ въ той же дальней, но милой его сердцу родной области. Далѣе, по свойству своего миролюбиваго нрава, онъ не имѣлъ и не могъ имѣть враговъ среди сослуживцевъ и вообще знаемыхъ. За то могъ имѣть и имѣлъ дѣйствительныхъ, прискренныхъ друзей. Многимъ изъ насъ памятна его прощальная, надгробная рѣчь надъ гробомъ друга-профессора¹⁾, произнесенная имъ съ сего же святаго мѣста. Въ этой рѣчи покойный имѣлъ полное основаніе уподобить дружбу, соединявшую его съ усопшимъ, библейскому примѣру—дружбѣ Давида съ Ионафаномъ, а средство обѣихъ душъ, созданное этою дружбою,—созвучію двухъ струнъ, натянутыхъ на одномъ, правильно дѣйствующемъ, музыкальномъ орудіи. Нечего говорить послѣ этого о томъ, какимъ любвеобильнымъ и всячески образцовымъ являлся почившій въ собственной своей семьѣ. Но важно, что и въ семьѣ и внѣ ея чувства привязанности и любви у почившаго не были плодомъ одного природнаго мягкосердечія, незлобія и нѣжности, но вытекали не менѣе изъ сознанія христіанскаго долга—„не оставаться должнымъ никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви“ (Римл. 13, 8).

Руководясь этимъ началомъ любви, во всѣхъ отношеніяхъ къ ближнимъ, почившій шествовалъ вѣрною стезею христіанскаго подвига по направленію въ небесное царство

1) Профессоръ Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій. † 11 янв. 1897 г.

Христово. Его отличали также чисто-христіанское смиреніе, привлекательная скромность и простота, столько бросавшіяся въ глаза всѣмъ знавшимъ и почитавшимъ его. Свой долгъ вѣрнаго сына Церкви Христовой онъ строго, неопустительно совершалъ самымъ примѣрнымъ образомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ искренно и смиренно сознавалъ свое недостоинство предъ Богомъ, всю надежду возлагая на безконечное милосердіе Божіе.

Нынѣ истекъ 40-дневный періодъ пребыванія почившаго въ другой области бытія. Періодъ этотъ, по вѣрованію Церкви, особенно труденъ для *новопреставленныхъ душъ*, и святая Церковь нарочито и усиленно совершала моленіе о прощеніи грѣховъ новопреставленнаго раба Божія и объ упокоеніи его въ обителяхъ святыхъ. Мы же, отцы и братья, всѣ любящіе почившаго положимъ себѣ обязъ всегда памятовать его и въ своихъ молитвахъ, домашнихъ и церковныхъ. Мы твердо вѣримъ, что имя его не изгладится ни изъ лѣтописей, ни изъ синодиковъ нашей школы и сей святой обители. Тѣмъ, между прочимъ, и утѣшительно служеніе въ нашей школѣ, что здѣсь отходящіе въ иной міръ члены не забываются, а вписываются въ книгу вѣчнаго церковнаго поминовенія. Вотъ и нынѣ мы творимъ поминовеніе бывшаго другого наставника нашей школы, юноши, многообѣщавшаго, но угасшаго въ расцвѣтѣ силъ¹⁾.

Вѣчная же память вамъ, достоблаженные отцы и братья наши! Аминь.

Свящ. А. Глаголевъ.

¹⁾ Доцентъ Николай Никаноровичъ Пузавовъ, † 20 августа 1909 г.